

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Д. С. Московская
г. Москва, Россия

ВС. ИВАНОВ В ЗЕРКАЛЕ ЗАРУБЕЖНОЙ КРИТИКИ

Аннотация: В статье представлен обзор откликов зарубежной прессы на рассказы Вс. Иванова из цикла «Тайное тайное» и его роман «Похождения факира». Сопоставление отзывов зарубежной и советской критики показало, что при наличии сходства оценки диаметрально противоположны. Зарубежные критики выводили стилевую генеалогию Иванова из сибирского, казачьего прошлого и видели в происхождении автора и его биографии источник силы, давшей ему возможность в жестокой пореволюционной ситуации жить и оставаться независимым и гуманным человеком.

Ключевые слова: Всеволод Иванов, зарубежная критика, биография, стиль, гуманизм.

Информация об авторе: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом рукописей, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: info@imli.ru

Дата поступления статьи: 10.04.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Зарубежный англоязычный читатель мог познакомиться с именами советских писателей, их творчеством и критическими отзывами на их произведения благодаря художественно-библиографическому ежегодному альманаху «The Best Short Stories and the Yearbook of the American Short Story», выходящему в США под редакцией О'Брайна. Кроме перепечатки лучших американских новелл за прошедший год альманах представлял читателям рейтинг наиболее совершенных англоязычных и иноязычных образцов в жанре короткого рассказа. Их названия и выходные данные включались в вечающий ежегодник «Свиток почета» («Roll of Honour»). В 1920-е гг. в «Свиток почета» кроме многочисленных произведений Максима Горького попали рассказы Б. Пильняка («That which is Dead Calls always» — «Смертельное манит»), П. Романова («Actress» — «Актриса», «Black Biscuits» — «Черные лепешки»), К. Феина («Garden» — «Сад»), опубликованные в периодическом издании «Transition» («Переход»). На английский язык также были переведены и включены в «Свиток почета» новеллы Бабеля, Ильфа и Петрова, Эренбурга, Глеба Алексеева, Сейфуллиной, Зоценко, Замятина, Катаева, Олеси, Ник. Тихонова, Пастернака, Веры Инбер, Зозули и Андрея Платонова. Э. Хемингуэй был обязан альманаху О'Брайна знакомством с творчеством автора «Третьего сына», А. Платоновым [5, с. 203–224]. В 1928 г. в «Свиток почета» попал и Вс. Иванов с рассказом «Old Timer» («Старик»). Англоязычный читатель мог познакомиться

с Ивановым и по переводам других его произведений — рассказов «Unfrozen water» («Полынья») (изд. «Bonfire», ed. Konovalov, 1931), «Dissert of Toub-Koy» («Пустыня Тууб-Коя») (изд. «Soviet Literature», ed. Reavey, George and Slonim, Mark, 1933) и романа «Похождения», опубликованного отдельной книгой в Нью-Йорке в 1935 г.

Творчество Иванова было замечено англоязычной критикой. Едва ли не первым газетным отзывом на русскую пореволюционную литературу и, в частности, на творчество Иванова, является статья Александра Назарова «Русские писатели больше не улыбаются. Предмет и настроение новой литературы, отражающей национальную жизнь» [14, с. 16–17]. В статье сделана попытка оценить, что в нэповской советской России происходит с русской литературой. Предметом сопоставления стало творчество традиционалистов, писателей серебряного века, оказавшихся в эмиграции, и новых «советских» русских писателей. Прежде всего Назаров отмечает начавшее с 1921 г. литературное возрождение. Оно связано, по его мнению, с предоставленной частным издательствам возможностью возобновить свою деятельность. Этим был достигнут невероятный результат: возродились литературные альманахи, и оживилась литературная жизнь. Реализм и достоверность — способность достоверно отражать русскую жизнь с ее горестями и радостями в тех формах, которую выработала русская эстетическая мысль, Назаров назвал ведущим свойством русской литературы и с этой точки зрения оценивал произведения как русской эмиграции, так и метрополии. В парижском альманахе «Окно» он отмечает «Безумного художника» Бунина и вышедшую отдельной книгой «Неупиваемую чашу» Шмелева. Вывод Назарова: «Современный русский писатель не улыбается. И вы не можете его за это осуждать: улыбка на его устах будет выглядеть неприлично». По его мнению, книги Бунина и Шмелева больше, чем просто литература, они символы жизни. Обратившись к литературе метрополии, он обращает внимание на альманах «Пчелы», в котором опубликованы рассказы представителей современного русского реализма, «Серапионовых братьев». Назаров называет «Братьев» бескомпромиссными, жесткими реалистами, даже натуралистами. Их доступ в советскую печать — преодоление цензуры этими писателями — он объяснил тем, что «они свободны от любой политической тенденциозности». Лучшими и очень характерными для этой новой группировки писателей-реалистов критик называет опубликованные «Пчелами» рассказы Всеволода Иванова и Николая Никитина.

Рассказ Иванова «Полая Арапия» Назаров характеризует следующим образом:

...это страшная картина голодного мора. Тысячи крестьян бредут в поисках «Полой Арапии» — фантастической страны, которая в их больном мозгу представляется страной обетованной, где все могут насытиться. Голод, смерть, массовое безумие, неопишуемые страдания и чудовищные сцены каннибализма, — таковы картины, которые проходят перед вашими глазами. И написаны они столь холодно, столь убедительно и с такой силой, что вам не придет с голову заподозрить м-ра Иванова в преувеличении. Этот рассказ заставляет вас содрогнуться, и потому его уже нельзя отнести к литературным произведениям.

Рассказ м-ра Никитина «Кол» также мрачен. Старый деревенский поп и несколько пожилых крестьян арестованы и казнены местными властями за контрреволюцию. Палач отмечает место их могилы с помощью простого кола. «Крест — говорит он на непередаваемом крестьянском диалекте — подошел бы лучше, да коммунисты скажут — не надо людей волновать». Ничего, у Господа все проименованы — Он угадает, что палка значит [14, с. 17].

Таковы темы, которые рассматривают новые советские реалисты, включает свой рассказ Назаров. «И они не могут быть другими, потому что события недавнего прошлого не могут быть забыты, да и не завершились еще» [14, с. 17].

Интересно, что Назаров, в отличие от другого критика зарубежья, Петра Пильского, считает Иванова и Никитина талантливыми многообещающими авторами: «Иванов и Никитин не могут быть сопоставлены с писателями предыдущей формации. <...>. Они часто неуклюжи, грубы, они перегружают свое повествование и диалектами и провинциализмами, они совершают и другие промахи. И все же они только начинающие. Их работы интересны как психологический документ, и кроме того, они обнаруживают, что эти начинающие писатели наделены талантом», — пишет Назаров. Тогда как Пильский в рецензии с характерным названием «Без героя» видит в Иванове только «циничного в своем идейном надломе» нового писателя [9, с. 65].

Назаров, однако, совпадает с Пильским в признании того, что «литература не может не отражать <...> Калибанизм, царящий в современной русской жизни» [14, с. 17]. Столь же определенно высказывается и Пильский: «...эти книги <...> станут впоследствии единственным материалом для изучения психологии современного человека России. <...> Эти литераторы выросли из посевов <русской жизни>, и они несут на себе все фамильные черты этой наследственности». Вывод Пильского: «Искажается российская жизнь — искажается и литература. Безумие пришло и в книгу. Грубость проникла и в язык. Распад явился распадом образов» [9, с. 65].

Напомним, что рассказ «Полая Арапия», которому Назаров посвятил часть своего отзыва, был написан Ивановым в 1922 г. под впечатлением от поездки в охваченное чудовищным голодом Поволжье. Этот шедевр писателя был напечатан в «Правде» 5 апреля 1922 г., но не он снискал ему славу. Высокой оценки, сопоставления его с Горьким Иванов удостоится за рассказы «Партизаны», «Бронепоезд 14,69» и «Цветные ветра», тогда как «Полая Арапия» не переиздавалась и не была допущена в прижизненные собрания сочинений.

Святополк-Мирский в 23 томе «Современных записок» за 1925 г. в отзыве на сборник современной русской прозы (под ред. Вл. Лидина, 1924 г.) пишет по поводу Вс. Иванова прямо противоположное Назарову и Пильскому. Он считает, что взгляд на современность у Иванова не реалистический, а чисто эстетический. Самой сильной вещью в сборнике он назвал ивановское «Дитё», в котором, по словам критика, писатель доказал, что «кроме экзотики и орнаментики, он способен и к настоящему заострению рассказа». Вывод Святополка-Мирского: Иванов продолжает высвобождаться из-под исключительного застоя орнамента и «киргизской зауми» [11, с. 475].

На рассказы, составившие сборники «Бразильская любовь» и «Тайное тайных», в частности, на «Смерть Сапеги», обратил внимание один из критиков русского зарубежья из пражского журнала политики и культуры «Воля России», укрывшийся за инициалами «Б. С.» Бронислав Сосинский. За точку отсчета он взял понятие «сентиментального» как свойства художественной литературы в целом. По его мнению, в молодой советской прозе расцветает ныне — «сентиментализм пристыженный, тщательно замаскированный, <...> извращенный, проиронизированный», потому что то, к чему мы уже начинаем привыкать, «нас уже перестает страшить». У Бабеля и Иванова «лирический вздох обходится дорого — за ним неизменно следует площадная брань». «За каждым сентиментальным словом идет несколько сакраментальных. В эпоху напряженнейшего <...> лиризма Пастернака и Цветаевой — “никаких сантиментов, никаких шопеновских прелюдий”», — цитирует Сосинский Вс. Иванова. «...злость вызывает малейший

намек на “чувствительность тонкую”: “Вспомнил я этого самого Тургенева со своими воробьями, такая досада взяла... Прихожу домой, смотрю свирепю, подбираю — что бы грохнуть об пол”. И не только сдержанность или досада — разнит две литературные эпохи». По мнению критика, творчество современных советских писателей, таких как Пильняк, с его тифом, вошью, теплушками, руганью, бабами, солдатами, «характеризует нашу эпоху, как эпоху грубого и беспощадного натурализма». Как мы видим, и здесь — литература новой России воспринимается как зеркало времени.

По мнению критика, сказовая форма новой русской литературы, представителем которой является Иванов, появилась для удобной маскировки сентиментализма. «Надев чужую личину, заранее оправдав все иронией... можно свободно или “с дозволения начальства” — плакать, громко рыдать». Вопрос у критика вызывает высказанная Ивановым в рассказе «Полянья» мысль: «Жизнь — как слово: слаще и горче всего». Его удивляет то, что «чем целомудреннее становится отношение писателей к слову, тем “бесстыднее” обнажение жизни, тем сильнее грубая жажда писателя к греху и пороку». По мнению Сосинского, «Нескромный Всеволод Иванов один из самых ярких представителей нынешнего беспощадного натурализма». Вывод критика: «...наши потомки останутся в недоумении перед страницами нынешних лет: что было страшнее — та жизнь или та литература?» [2, с. 179–181].

К 1930 г. о неостывшем интересе к творчеству Иванова свидетельствует мартовский номер «Воли России», где в рубрике «Заметки» особо обращается внимание на «Автобиографию» писателя. В частности, там сообщается, что в связи с юбилеем Горького «все советские журналы полны статьями о Горьком, воспоминаниями о Горьком, панегириками Горькому, мыслями о нем, о его связи с пролетарской литературой и мировой революцией о его значении для нас, для наших дней, внуков, правнуков — и так далее, и так далее. Некоторые из панегиристов, впрочем, пишут больше о себе, чем о юбиляре. Порой этой бывает любопытно. Так Всеволод Иванов в “Красной Нови”, рассказывая о своих встречах с Горьким, очень живо описывает свои юношеские скитания в Сибири, свой приезд в Петербург в 1920 году, петербургский Дом искусств на Мойке, тогдашние петербургские редакции. <...> О Горьком мы, правда, узнаем немного, но об Иванове получаем сведения интересные» [1, с. 279–280].

Зарубежная критика следит за Ивановым, которого, наряду с Леоновым, она явно выделяет среди собственно советских писателей как талантливого, обладающего собственным голосом и не растворившегося в политических литературных играх времени автора. Тем заметнее становится для нее стремление Иванова влиться в общий строй, стать среди тех, кто исполняет социальный, правительственный заказ. В том же мартовском номере «Воли России» за 1930 г. в рубрике «Среди книг и журналов» с отсылкой к «Литературной газете» от 17 марта 1930 г. сообщается, что в России «организована первая ударная бригада писателей» для освещения хода колхозного строительства. «В нее вошли Вс. Иванов, П. Павленко, В. Луговской, Л. Леонов, Е. Санников». По мнению автора, «более чем сомнительно, чтобы путем <...> посылки на места ударных бригад советское правительство могло добиться создания той литературы, которая ему нужна для его утилитарных и политических целей». В связи с этим выводом автор вспоминает роман «Соть» Леонова, для которого производственничество оказалось прежде всего материалом, и таким же ценным, как для Иванова — партизанщина. Иванов из этой поездки привезет «Повести бригадира Синицына», где между прочим будет дана жесткая оценка ударных бригад писателей, не знающих ни национального языка, ни национальной культуры. И тогда закономерен вопрос критика «Воли России», по-

вторяющий вопрос самого Иванова в «Повестях...», о ценности и любопытности книг, вырабатываемых советской литературой [10, с. 293].

«Воля России» следит за тем, как в Советской России усиливается борьба за пролетарский творческий метод в литературе. И вновь в центре внимания оказывается Иванов, словно бы он есть некий оселок, на котором ведется проверка качества новой русской литературы. Напомним, что к 1930 г., после выхода «Тайного тайных», вектор оценок творчества Вс. Иванова постепенно сдвигается вправо: он превращается из «левого» в «правого» попутчика. В конце концов, следует вывод, запечатленный Литературной энциклопедией 1930 г.: творчество позднейшего Иванова чуждо социалистической революции. 1930-й г. в биографии многих русских советских писателей переломный. Его символическое содержание — самоубийство Владимира Маяковского, так и не вписавшегося в требования творческого метода РАПП. Мучительные попытки стать «своим» делают Андрей Платонов с пьесой «Объявление о смерти» и Всеволод Иванов. Последний создает роман с «новыми тенденциями» «Путешествие в страну, которой еще нет» (1929–1930). Марк Слоним в обзоре для «Воли России» наряду с недостатками романа «Путешествие в страну...» (были названы — «запутанная сложность, надуманность построения и смешение разнородных элементов, не получивших органического завершения»; тенденциозность — «роман явно написан на тему: требовалось показать героя труда») отмечает как положительную мысль, заключенную в самом заглавии романа: «...современная действительность груба, путана и нелепа, но есть страна, в которой осуществляются надежды лучших, — это страна будущего. В ней ищет Вс. Иванов исхода из нынешней страды. Оптимистическая нота, оканчивающая произведение, должна, очевидно, опровергнуть мнение коммунистических критиков, будто Иванов поражен опасным и реакционным пессимизмом» [4, с. 685]. Как известно, опровергнуть это мнение Иванову своим «производственным» романом не удалось.

Поводом для более полного освещения в журнале «Воля России» творчества Иванова становится выход седьмого тома сочинений писателя с уже упомянутым романом «Путешествие в страну, которой еще нет». По мнению автора рецензии Николая Андреева, этот том «не может посчитаться удачей лучшей книгой автора, но он оказывается в достаточной степени для него характерным». Обратившись к раннему Иванову — «автору “Партизан”, “Цветных ветров”, “Бронепоезда”, “Голубых песков”, “Экзотических рассказов”», критик отмечает «блестящую изощренность его зрительных наблюдений, в сюжете — пафос драматических столкновений, психологическую встревоженность, непрерывную повествовательную подвижность», «введение в рассказ — новое в то время — массового героя, приключенческое беспокойство тем гражданской войны и, наконец, скупую, но выразительную орнаментацию действия пейзажем». Вывод Андреева: «Все эти элементы <...> придавали авторскому облику оттенки большой индивидуальной независимости».

«Но постепенно совершались изменения, отчасти проявившиеся уже в “Гибели Железной”, отчасти в сборнике “Тайная тайных” <так!>: ослаблялся упор на эффективность материала самого по себе, на первый план выступал психологический анализ, наблюдения и эксперимент над героями; менялась и стилистика в сторону большей спокойности и реалистической плотности. В то же время усиливался акцент “гражданских мотивов” <...> Какой-то призыв будничности прорезал праздничную воодушевленность первых лет писательства». Вывод критика: «Всеволод Иванов сделан эпохой неожиданностей. Результат ее — склонность к <...> погоне за сюжетной напряженностью <...>. Черты эти, возникшие <...> под частичным воздействием деклараций

“Серапионовых братьев”, сохранились у писателя до сих пор». Обратившись к роману «Путешествие в страну, которой еще нет», критик отмечает в его построении все то же упорное стремление к необычайному сюжетному положению.

Андреев устанавливает связь Иванова в разрешении темы с традициями русской классической литературы. «Проблема совести и человеческого достоинства, поднятая Всеволодом Ивановым раскрыта в специфической обстановке современности и очень характерными для писателя средствами. Но разрешение темы указывает на неожиданную родственность с Толстым девяностых годов. Проскальзывает <...> и явный отголосок раннего, еще романтического Горького». Критик устанавливает эволюцию творчества писателя за прошедшие годы: «Романтическое сияние меркнет, экзотика отпадает — Всеволод Иванов утончается, черты мудрой осторожности и душевной внимательности придают его творчеству отпечаток человечности. И если не всегда, как в романе, удается автору добиться полной устойчивости произведения, то причина лежит вне самого автора» [6, с. 99–100].

Новую волну интереса к Иванову за рубежом вызвала публикация в 1935 г. в Нью-Йорке в издательстве «Вангард-Пресс» перевода романа «Похождения факира». Обширный отзыв Джона Курноса в газете «Нью-Йорк-Таймс» под названием «Всеволод Иванов — литературный родственник М. Горького» охватил творчество писателя более широко. Курнос напоминает оценку Воронского: «Он происходит от Горького, он его продолжатель» — и подтверждает: «В этом есть существенная правда. Иванов действительно из Горьких Горький». В то же время есть существенное различие. Курнос видит его в том, что Иванов «удивительно не озлоблен, в нем есть обаяние и добронравие, и, что еще лучше, он обладает заразительным чувством юмора». Он отмечает стилистику «Тысячи и одной ночи» в романе, благодаря чему «не возникает вопроса о достоверности его рассказов, а скорее желание определить то состояние сознания, которое спокойно относится к жизни, обладает свежестью восприятия, которое придает оттенок изумления перед повседневными событиями. Его грусть вызывает улыбку, а ужасная злобность — обезоруживает. Он, вероятно, очень обаятельный человек». «Ничто, похоже, не может его лишить отваги, ничто не способно затуманить его веру в человека. И уверенность в себе, и это доверие к людям не имеют ничего общего с коммунизмом, который он выставляет напоказ (не в этой книге!), все это ему присущее, лежащее в основании натуры этого человека. <...> Как и у Горького, Иванов обилён странными характеристиками, такими характеристиками, которые читатель обязательно бы встретил в предвоенной русской литературе. И удивительные женщины, подлинно русские — особенно Софья и Павла! Они не скоро забудутся» [12, с. 8].

В январе 1936 г. в «Геральд-Трибьюн» появился отзыв Альфреда Казина на тот же перевод романа «Похождения факира». Статья называется «Фантастический странник». По мнению Казина, Всеволод Иванов, прославленный в Советском Союзе автор, получил право, пользуясь сегодняшним стабильным своим положением, «окинуть свою юность ненавязчивым и зрелым взглядом <...> и его история кажется веселой самоиронией, но хотя каждый эпизод выписан с юмором, он все же никогда не позволяет совсем позабыть о муке бытия, безденежья и бесприютности. “Избавься от всего этого, Всеволод, выбрось это прочь из своего мира”, — говорит он и так и делает». Для Казина, как и для Курноса, крайне важен биографический момент романа, описание дореволюционной Сибири, казацкого быта, рода Ивановых. «Будучи сибирским казаком, — пишет Казин, — он вызывает хохот проще, чем жевание маковой соломки.

И в этом его окружение много способствовало тому, чтобы жизнь не казалась слишком серьезной».

Оценивая стилистику романа, Казин отмечает, что Иванову «нравится исполненная боли грустная реальность, и он получает удовольствие, рассказывая вам о ней, иногда беспорядочно и беззаботно, но вам постоянно будет казаться, что он не хотел бы, чтобы вы все это знали. Суховатость тона может означать нечто большее, чем желание рассмешить, особенно если ваше внимание было отвлечено тем, что кажется только шалостью, и тем, что вас просят над этим посмеяться» [13, с. 19].

Напомним, что роман «Похождения факира» был написан в обстановке, менее всего способствовавшей искреннему веселью и беззаботности. Иванов уже отрекся от серапионова прошлого и выступил «за большевистскую тенденциозность в литературе». Иванова включают в состав секретариата Правления, созданного на съезде Союза советских писателей, он также становится председателем Правления Литфонда. В июне 1935 г. Вс. Иванов в составе делегации советских писателей едет на Антифашистский конгресс в Париж, где произносит официальную речь. Наконец, осенью 1936 г. официально празднуется 20-летний юбилей творческой деятельности писателя. Свои невеселые думы — о друзьях-товарищах, деле «Сибирской бригады» и пр. — он не высказывает. «Похождения факира», казалось бы, находились в русле идей Горького об изображении во всех видах убийственной правды прошлого. И Горький горячо под держал первую часть романа. Но по мере завершения романа он все меньше нравился Горькому. В декабре 1935 г. роман был подвергнут острой критике за «власть инстинктов», «вариацию фрейдизма», «замаскированные элементы “Тайного тайных”», «своеобразную Достоевщину», «искаженную картину дореволюционной России», «пессимистическое равнодушие». На общемосковском собрании писателей в марте 1936 г. после сокрушительной критики Иванов отречется от формализма, назвав его «слабостью и трусостью» (подробно о творческой судьбе, прижизненной критике и биографии Вс. Иванова см. труды Е. А. Папковой [7; 3; 8]).

Следует отметить, что роман произвел за рубежом совершенно иное впечатление: его стиливую генеалогию авторы отзывов выводили из сибирского, казацкого прошлого писателя, давшего ему силы жить и быть независимым и гуманным человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Автобиография Всеволода Иванова // Воля России. 1930. № 3. С. 279–280.
- 2 Б. С. Всеволод Иванов. Бразильская любовь. Рассказы. Изд. Огонек. Москва. 1926 г. // Воля России. 1927. № 7. С. 179–181.
- 3 Всеволод Иванов. Тайное тайных / отв. ред. Н. В. Корниенко; сост., прим. Е. А. Папкова. М.: Наука, 2012. Сер. «Литературные памятники». 566 с.
- 4 М. Сл. Обзор журналов. Партдискуссия в стихах. Роман Вс. Иванова. «Бродячий цирк Шишкова» // Воля России. 1930. № 7/8. С. 684–685.
- 5 Московская Д. С. Хемингуэй и Платонов: писатель о писателе // Возвращаясь к Платонову: вопросы рецепции: сб. ст. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 203–224.
- 6 Н. А-в. Всеволод Иванов. «Путешествие в страну, которой еще нет». Роман и повести. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1928. Т. 7. 330 с. // Воля России. 1932. № 1/3. С. 99–100.
- 7 Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е. А. Папкова. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.

- 8 Папкина Е. А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальной традиции. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2012. 622 с.
- 9 Пильский П. Без героя. О новых русских писателях // Балтийский Альманах. 1924. № 2. С. 65–69.
- 10 Производственный роман Леонова. Ударные бригады писателей. Эмигрантские критики и советские авторы. Право на старость. Рассказ Тихонова. Психология молодежи или психология большевизма? // Воля России. 1930. № 3. С. 293.
- 11 Святополкъ-Мирский Д. Литературная Россия. Сборник современной Русской Прозы / под редакцией Вл. Лидина. I. М.: Новые Вехи, 1924 // Современные записки. 1925. Т. 23. С. 473–475.
- 12 Cournos J. I. Ivanov, a Literature Kinsman to Gorki // New York Times. 1935. December, 29.
- 13 Kazin A. A Fantastic Wanderer // Herald-Tribune. 1935. January, 12.
- 14 Nazaroff A. Contemporary Russian Writers Do not “Keep Smiling”. Subject Matter and Tone of the New Literature Reflecting Native Life // New York Times. 1924. June, 1.

© 2017. Daria S. Moskovskaia
Moscow, Russia

VSEVOLOD IVANOV THROUGH THE EYES OF FOREIGN CRITICS

Abstract: The article provides an overview of comments of the foreign press on the stories of Vs. Ivanov from the series “Secret of Secrets” and on his novel “The Adventures of a fakir”. The comparison of the foreign reviews and Soviet criticism has shown that despite available similarities the overall assessment is diametrically opposite. Foreign critics deduced Ivanov’s stylistic genealogy from his Siberian and Cossack past and saw in his biography a source of strength, which gave him a chance to live and to remain independent and humane person in a brutal post-revolutionary situation.

Keywords: Vsevolod Ivanov, foreign criticism, biography, style, humanism.

Information about the author: Daria S. Moskovskaia — DSc in Philology, Deputy Director of the A. M. Gorky Institute of World Literature, Head of the Manuscript Department, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru

Received: April 10, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Avtobiografija Vsevoloda Ivanova [Autobiography of Vsevolod Ivanov]. *Volja Rossii*, 1930, no 3, pp. 279–280. (In Russian)
- 2 B. S. Vsevolod Ivanov. *Brazil'skaja ljubov'. Rasskazy. Izdatel'stvo. Ogonek. Moskva. 1926 g.* [B. S. Vsevolod Ivanov. Brazilian love. Stories. Ogonek Publ., Moscow. 1926 century]. *Volja Rossii*, 1927, no 7, pp. 179–181. (In Russian)
- 3 Vsevolod Ivanov. *Tajnoe tajnyh* [Vsevolod Ivanov. Secret of secrets], ex. ed. N. V. Kornienko, collected, article, notes by E. A. Papkova. Moscow, Izdatel'stvo IMLI RAN Publ., 2012. 566 p. (In Russian)

- 4 M. Sl. Obzor zhurnalov. Partdiskussija v stihah. Roman Vs. Ivanova. “Brodjachij cirk Shishkova” [Review of magazines. Party discussion in verse. Vs. Ivanov’s roman “Shishkov's Traveling Circus”]. *Volja Rossii*, 1930, no 7/8, pp. 684–685. (In Russian)
- 5 Moskovskaja D. S. Hemingujej i Platonov: pisatel' o pisatele [Hemingway and Platonov: writer about writer]. *Vozvrashhajjas' k Platonovu: voprosy recepcii: sborik statej* [Returning to Platonov: issues of reception: Collection of articles]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2013, pp. 203–224. (In Russian)
- 6 N. A.-v. Vsevolod Ivanov. “Puteshestvie v stranu, kotoroj eshhe net”. Roman i povesti. Sobranie sochinenij: v 8 t. [“Travel to the country, which is yet to be born”. The novel and the story. Collected works: in 8 vols.]. Moscow, Leningrad. 1928. Vol. 7. 330 p. *Volja Rossii*, 1932, no 1/3, pp. 99–100. (In Russian)
- 7 *Neizvestnyj Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva. Nauchnoe izdanie.* [Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity] Moscow, IMLI RAN Publ., 2010, ed. E. A. Papkova. 784 p. (In Russian)
- 8 Papkova E. A. *Kniga Vsevoloda Ivanova “Tajnoe tajnyh” : na perekrestke sovetskoj ideologii i nacional'noj tradicii.* [Vsevolod Ivanov's book “Secret of Secrets”: at the crossroads of the Soviet ideology and national traditions]. Moscow, Izdatel'stvo IMLI RAN Publ., 2012. 622 p. (In Russian)
- 9 Pil'skij P. *Bez geroja. O novyh russkikh pisateljah. Baltijskij Al'manah* [Without a hero. On the New Russian Writers. The Baltic Almanac], 1924, no 2, pp. 65–69. (In Russian)
- 10 Proizvodstvennyj roman Leonova. Udarnye brigady pisatelej. Jemigrantskie kritiki i sovetskie avtory. Pravo na starost'. Rasskaz Tihonova. Psihologija molodezhi ili psihologija bol'shevizma [Leonov's industrial novel. Shock Brigade writers. Emigrant critics and Soviet authors. Right to old age. Tikhonov's story. Psychology of youth or the psychology of Bolshevism]. *Volja Rossii*, 1930, no 3, pp. 293. (In Russian)
- 11 Svjatopolk-Mirskij D. Literaturnaja Rossija. Sbornik sovremennoj Russkoj Prozy [Literary Russia. Collection of modern Russian prose. “New Milestones”. Moscow, 1924. Modern notes], edited by V. Lidin. Moscow, Novye Vehi Publ., 1924. *Sovremennye zapiski*, 1925, vol. 23, pp. 473–475. (In Russian)
- 12 Cournos J. I. Ivanov, a Literature Kinsman to Gorki. *New York Times*, 1935, December, 29. (In English)
- 13 Kazin A. A Fantastic Wanderer. *Herald-Tribune*, 1935, January, 12. (In English)
- 14 Nazaroff A. Contemporary Russian Writers Do not “Keep Smiling”. Subject Matter and Tone of the New Literature Reflecting Native Life. *New York Times*, 1924, June, 1. (In English)